ЭПИЛОГ

К началу мая наше село превратилось в заброшенную пустыню, где в каждой хате и в каждом дворе таился ужас. У нас было такое ощущение, что нас оставил весь мир. Главная улица, которая прежде была важной артерией и средоточием сельской жизни, теперь пустовала и поросла сорняками и травой. Изредка на ней появлялись люди или животные. Многие хаты стояли полуразрушенные и пустые, зияя выбитыми окнами и выломанными дверями. Их владельцы или умерли, или были сосланы на север, или сами подались из села в поисках пищи. Прежде вокруг этих хат возвышались сараи, конюшни, коровники, свинарники и ограды. Теперь виднелись лишь остатки этих построек. Всё это люди развалили и использовали на дрова.

Даже деревья не уцелели в этой всеобщей разрухе. Вербы, такие привычные для украинских сёл, стояли голые с обрубленными ветками. На то, чтобы срубить их толстые стволы, голодающим крестьянам не хватало силы, так что теперь эти деревья торчали вдоль дороги, как памятники затяжной битвы между суровой зимой и умирающими людьми. Та же судьба постигла и фруктовые деревья. Половина знаменитых украинских садов была вырублена и использована на отопление. А то, что осталось от них, теперь зацвело: вишни, абрикосы и другие деревья. Но и садовое цветение в эту весну было другим.

Во дворах, на задворках, огородах и везде вокруг сельских хат вся земля была перерыта ямами, напоминая о том, как хлебозаготовительная комиссия искала "припрятанные продукты".

Село выглядело так, будто там всё вымерло. Словно чума прошла и после неё стихли голоса крестьян и звуки животных

и птиц. Могильная тишина пеленой окутала все вокруг. Несколько тех домашних животных, которые чудом пережили голод, выглядели какими-то экзотическими явлениями.

Под конец мая 33-го года голод отпустил. Массовое вымирание от голода прекратилось. Овощей и фруктов было достаточно для каждого, кто мог выйти из хаты и поискать это всё. Да ещё то, что начальству нужны были работники, и волей-неволей должно было дать работающим членам колхоза достаточно продуктовых пайков, чтобы поддержать их жизнь. Из-за этого те крестьяне, которые ещё могли стоять на ногах – хоть и были ошалевшие, подавленные и изголодавшиеся, – из последних сил рвались в колхоз, чтобы заработать себе на продукты, которые там давали, то есть на кусок хлеба и черпак или два гречневой или пшённой каши. А кто не смог работать, тот оставался на милость своих родных или друзей, если те выжили.

Мне повезло. Несмотря на моё бедственное положение и истощение от голода, моя мечта получить высшее образование ни на минуту меня не покидала. И из-за этого стремления к большим знаниям мне удалось вырваться из села навсегда.

Даже теряя сознание от голода и живя в полнейшей нищете среди трупов крестьян, старых и малых, я прилагал все возможные усилия, чтобы закончить среднее образование.

В то время в нашем селе была школа-девятилетка на четыре года начального образования и пять лет среднего.

В 1933 году я был уже в последнем классе, и выпускные экзамены у нас должны были состояться в июне. Но многим ученикам нашего выпускного класса так и не было суждено увидеть свои аттестаты. Из-за нашествия голодомора нас осталось очень мало. Некоторые умерли от голода. Другие бросили школу и подались куда-то в поисках продуктов. А иным повезло переехать в другие районы Советского Союза, главным образом в Россию, где голода не было. Многих вывезли вместе с семьями в отдалённые места в ссылку. Вследствие этого школу в нашем селе в начале марта закрыли, а те несколько из нас, которые ещё остались в селе, были покинуты сами на себя. Но я, несмотря на все преграды, не отрёкся от своих стремлений, и все же добился своего: меня приняли в среднюю школу в соседнем селе, где в конце июня я сдал экзамены на аттестат

зрелости. Это был поворотный пункт в моей жизни. Я тогда решил бежать.

Точной даты, когда это случилось, не могу припомнить, но этот день был самым важным в моей жизни.

Однажды ночью с куском хлеба в мешке и пятью карбованцами, или рублями (говоря по-русски) в кармане, в латаных штанах и большой на меня рубашке, босиком, я ушёл втихомолку из села в направлении города. Там, я слышал, открылись подготовительные курсы в высшие учебные заведения для тех, у кого был документ об окончании средней школы. Счастье сопутствовало мне: с помощью нескольких добрых людей меня приняли на эти курсы и, окончив их, я вскоре поступил в педагогический институт. За четыре года я закончил институт и начал свою карьеру учителя в средней школе. А затем началась вторая мировая война, я стал солдатом, а потом попал в плен к немцам и был отправлен в Германию в "Шталяг 3".

После окончания войны, хорошо зная, что по приказу Сталина все советские солдаты, которые попали в плен, считаются дезертирами и предателями и их ждёт расстрел, а также желая жить в свободном мире, я решил остаться в Западной Германии как "перемещённое лицо", а оттуда потом эмигрировал в Соединённые Штаты Америки, где и нашёл свой новый дом.

А моя мать и брат, с которыми мы вместе так мучились, которые делились со мной последним куском хлеба и которым я обязан, что вообще выжил, остались в селе. У них не было иного выбора, как продолжать работать в колхозе. Вторая мировая война разлучила нас, и что случилось с ними потом, я не знаю.